

НЕ НАВИЖУ? ХОЧУ! *или* Кое-что о МУЧО

МАША ЦАРЕВА
болтовня брюнетки

... Вряд ли кого-то всерьез волнуют **проблемы женщины**, которые и с мужиками-то спят не чаще трех-четырех раз в год, а отсутствие мужских гормонов компенсируют тоннами **ШОКОЛАДА...**

Это не особенно хорошо сказывается на фигуре, но, ей-богу, прекрасно заменяет

СЕКС.

БОНУС:
НОВЫЙ РАССКАЗ

Маша Царева
Ненавижу? Хочу! Или кое-что о мачо
Серия «Саша Кашеварова», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=302592
Ненавижу? Хочу! или Кое-что о мачо: РИПОЛ классик; Москва; 2007
ISBN 978-5-386-00151-3

Аннотация

Пока физики и лирики спорят по поводу существования женской дружбы, оказавшаяся в человеческом серпентарии Саша Кашеварова убеждается в том, что амазонки на тропе войны – страшная сила!

Сможет ли Великолепная Дюжина в составе Алисы, Диночки, «Диареи», Жени, Киры, Леры, Марины, Наташи, Наташи, Наташи, Оли и Юли отомстить мачо в красных плавках?...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Царева

Ненавижу? Хочу! или Кое-что о мачо

ГЛАВА 1

Почему, почему, ПОЧЕМУ мужчины исчезают после первой ночи, проведенной вместе?! Казалось бы, еще вчера ситуация была полностью под твоим контролем. Он звонил по три раза на дню и присылал сотни sms со смутно эротическим подтекстом. Он казался таким искренне заинтересованным, когда на протяжении получаса ты разглагольствовала о преимуществах восковой эпиляции перед электрической. Он был таким внимательным, милым, нежным.

Но стоило – черт побери – принять приглашение заглянуть к нему на чашечку кофе, как – бац!

И все. Он исчез. Испарился. Сплыл.

Сначала ты думала, что он просто закрутился на работе (бредовое предположение), что он потерял номер твоего телефона (хочешь, открою страшный секрет? Телефоны любимых девушек никогда не теряются), ты даже оптимистично надеялась на то, что исчезнувший мужчина был похищен марсианами или чеченскими террористами, – да, ты готова была принять любую версию, лишь бы не смотреть в глаза жестокой правде, которая заключается в том, что он тебя попросту бросил.

– Либо я все время делаю что-то не так, либо все мужики – подонки! – сказала моя лучшая подруга Лера, затягиваясь ментоловой сигареткой. Курение было ей к лицу.

Мы сидели в кухне ее небольшой стильно обставленной квартирке. Ели приготовленные Лерой низкокалорийные спагетти а-ля болоньез. Четыре дня назад Леру бросил мужчина, а в таких ситуациях она всегда садится на диету. Как будто бы паническое недобирание калорий может сделать ее хоть капельку счастливее.

Мы с Лерой знакомы давным-давно – почти тринадцать лет. Чертова дюжина. Когда-то учились вместе на журфаке и обе мечтали стать знаменитыми журналистками. Например, военными корреспондентками, бесстрашно бросающимися под пули врага ради правды и справедливости. Или загадочно-безразличными светскими львицами с миниатюрным диктофоном, спрятанным за резинку чулок, – о, мы выведем на чистую воду всех воротил шоу-бизнеса.

В итоге мы обе уже пять лет работаем в не слишком известной газете «Новости Москвы».

Я редактор отдела моды. Нет, я не являюсь завсегдаем парижской недели от кутюр. Просто пишу о новых тенденциях в мире шляп и о том, что в моду снова входят укороченные брючки. Лера же прочно осела в спортивном отделе. Причем держит ее там отнюдь не страсть к баскетболу или хоккею. Главное хобби моей лучшей подруги – соблазнение симпатичных спортсменов (сокращенно мы называем это ССС).

Но вернемся к главному. К мужчине, который бросил Лерку четыре дня назад.

Они познакомились в прошлое воскресенье на авангардном показе мод, приглашение на который подарила Лере я (и теперь она нагло утверждает, что это я косвенно виновата в том, что ее покинул очередной мужик).

Сидя в самом первом ряду, моя подруга развлекала себя тем, что выискивала явные и откровенно надуманные недостатки в шагающих по подиуму манекенщицах. Одна казалась ей чересчур костлявой, другая в профиль отдаленно смахивала на солиста группы «Аэросмит», а плечи третьей вообще были усыпаны перхотью, точно лесная елка первым снегом, –

впрочем, не исключено, что в том была некая особенная дизайнерская задумка (кто поймет этих любителей авангарда?). В остальном же ее наблюдения носили пессимистический характер. Большинство манекенщиц были много моложе и красивее самой Леры. Она как раз беззвучно проклинала себя за то, что поленилась уложить волосы, когда мужчина, сидящий в соседнем кресле, наклонился к ней и прошептал:

– От вас восхитительно пахнет. Вам очень идут эти духи.

Обернувшись, Лера обнаружила, что автор нескромного комплимента весьма хорош собой – импозантный блондин лет тридцати пяти, черная водолазка, кожаный пиджак, тривиально-серые глаза кажутся пронзительно-голубыми на загорелом холемом лице – в общем, эта кандидатура вполне подходила для необременительного флирта. Лера тут же окрестила его «Великолепный Блондин» – разумеется, не вслух.

– Это мой естественный запах, – усмехнулась она.

– Вот как? – повел бровью Великолепный Блондин. – Значит, представители фирмы «Гуччи», создавая аромат «Раш», украли ваше естественное амбре.

Лера не знала, как на такое реагировать. Ведь перед выходом из дому она и в самом деле обильно spraysнула волосы парфюмом «Гуччи Раш». Кто хорошо разбирается в женских духах? Ясное дело – бабники и гомики. Видимо, Великолепный Блондин относился к первой категории, в противном случае ради чего бы ему затевать столь бессмысленный разговор?

– Да, сплошной плагиат в этом мире моды, – принужденно пошутила Лера.

Так, слово за слово, они обменялись телефонами. Номер Леры Великолепный Блондин записал на собственной ладони – в этом продуманном жесте была некая кинематографичная сентиментальность. Моя подруга сразу же «поплыла» – на то и было расчет.

Следующим вечером они отправились в бар «Че» на Никольской, где Лерка, как и полагается романтично-разбитной барышне, выпила пять коктейлей «Мохитос» подряд, а ее спутник, не выбиваясь из брутального образа, заказывал неразбавленное виски. На этот раз Лера была при полном параде – сиреневое платье «Эскада», серебряные босоножки, состоящие из трех переплетенных между собой ремешков, ногти на ногах профессионально покрыты черным лаком, что в сочетании с татуированным орнаментом вокруг щиколотки смотрелось почти демонически. Он же по-прежнему выступал в черном – знал, стервец, насколько Великолепным Блондинам вроде него идет этот цвет.

Что случилось потом, вы и сами можете догадаться. Он пригласил Леру в гости, она, поломавшись для приличия минут пять-семь, согласилась. Страстная бессонная ночь (они использовали три упаковки ароматизированных презервативов), утром – нежный поцелуй и кофе в постель. Он вызвал для нее такси, и последними его словами были: «Я позвоню, любимая».

На том романтической истории конец. Начинается драма.

Потому что с того момента прошло уже четыре дня, то есть девяносто шесть часов, то есть пять тысяч семьсот шестьдесят минут – а иными словами, триста сорок пять тысяч шестьсот секунд. Вы только себе представьте – триста сорок пять тысяч шестьсот секунд, а он так и не позвонил!!!

– Ненавижу, – сказала Лера.

Подумав, она еще три раза повторила:

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

– Великолепного Блондина? – уточнила я, подливая вина в ее стремительно пустеющий бокал.

– Вообще всех мужиков. По-моему, все они существа низшего сорта. Животные. Разве ты со мной не согласна?

Я была с ней не согласна (и имела на то веское основание в виде влюбленного и любимого мужчины, с которым встречалась уже почти год и о котором я расскажу вам несколько позже). Но спорить с Лерой не стала, потому что не видела в этом никакого смысла.

– Пройдет время, и ты успокоишься. Неужели тебе вообще есть до него какое-то дело? Ты всегда так легко расставалась с мужчинами.

– Вот именно – всегда! – взревела Лера. – Я всегда с ними расставалась! Или они расставались со мной. Ни разу, понимаешь, ни разу в жизни у меня не было серьезных, стабильных отношений.

И пусть на Великолепного Блондина мне плевать с высокой колокольни, но... Но я просто не понимаю – почему, почему, почему мужчины исчезают после первой ночи, проведенной вместе?!

– Мы об этом уже сегодня говорили, – вздохнула я, – смени тему. Между прочим, если верить статистике, большинство жительниц города вступают в брак между двадцатью четырьмя и тридцатью двумя годами. Так что у тебя... то есть у нас, еще не все потеряно.

– Прекрасно. Мне осталось еще два года, – буркнула Лера, опустошая бокал. – Теперь я ненавижу не только мужчин, но еще и статистику.

– Но согласно статистике...

– Согласно статистике тридцать процентов женщин так и остаются незамужними! – взревела моя депрессивная подруга. – Еще шестьдесят процентов – несчастны в браке. Восемьдесят процентов женщин не удовлетворены своей личной жизнью, а сто процентов мужчин – моральные уроды. И еще о цифрах – один раз в пять минут кого-то из нас бросают. Раз в десять минут разбивается чье-то сердце. И пару раз в минуту где-то в мире раздается женский возглас: «Ненавижу!»

– Есть и хорошее... – неуверенно возразила я. Внезапный приступ Леркиного красно-речия поставил меня в тупик. – Ты говоришь, что мужчины – животные, но многие представители животного мира...

– Ну да, – перебила Лера, – я знаю. Аисты моногамны. А оргазм свиньи длится тридцать минут.

– Да ты что? Жаль, что я не свинья! – воскликнула я и тут же вляпалась локтем в тарелку спагетти, о которой успела позабыть.

А Лера, поковырявшись в своей тарелке, намотала на вилку предлинную макаронину. Но есть не стала. Подняла столовый прибор на уровень глаз.

– Слушай, Сань, а ты каких мужиков предпочитаешь? Тех, у кого короткий и толстый или длинный и тонкий?

Макаронина уныло болталась у ее лица.

– Я предпочитаю порядочных, – улыбнулась я.

– А таких нет, – философски заметила Лера.

Если честно, мне было ее немного жаль. Моя лучшая подруга Валерия – замечательная девушка, умная, красивая. Просто почему-то она всегда выбирает не тех мужчин.

Лера с маниакальным упорством увлекается мужчинами, от которых разумные женщины предпочитают держаться подальше. Среди ее интересов – бабники. Она любит их за обходительность, умение сорить изысканными комплиментами и отточенное чувство юмора. Надеюсь, не надо объяснять, почему с бабниками у нее ничего серьезного не выходит.

Идем дальше – модники. В последнее время появилось новое название для такого типа мужчин – метросексуал. Эти парни радуют глаз железными мускулами и отшлифованным загаром, они носят ботинки из кожи питона и стригутся в салоне «Жак Дессанж». К сожалению, модников любят почти все женщины (а кто откажется выйти в люди под ручку с

двойником Дэвида Бэхема?), так что спрос на них огромен и конкуренция слишком велика, чтобы рассчитывать на них всерьез.

Кого я пропустила?

Ах да – помешанные на сексе. Тоже ребята что надо. В их томном взоре – горячая страсть, глубокая, как Мировой океан. Они едва успевают провести холеной ладонью по твоей спине, как ты уже дрожишь от сладкого предвкушения. Увы, стабильные отношения с представителями данного подвида также невозможны. Ведь помешанные на сексе и сами являются сексуальными гурманами, а гурманы, как известно, любят разнообразие.

Иногда меня это удивляет – моя лучшая подруга отнюдь не глупа, веское тому доказательство – пройденные нами тесты на уровень IQ. Она прекрасно считает в уме, говорит на двух иностранных языках, способна отличить Юнга от Янга, Мане от Моне, одного брата Козна от другого и поддельную сумочку «Прада» от оригинальной. А вот отличить порядочного мужчину от клинического придурка ей почему-то никогда не удается. Между прочим, Валерия не одинока в своем наивном неумении сделать правильный выбор. Я часто думаю – почему же, почему так происходит: достойные во всех отношениях девушки с завидным постоянством выбирают «не тех» мужчин? Существуют ли признаки, по которым можно отличить мужчину, который в один прекрасный день причинит тебе боль?

И самое главное – правильный ли выбор сделала я сама?

* * *

В тот вечер я так и не рассказала Лерке самую главную новость. Уж очень неподходящий выдался момент – негоже хвастаться собственными победами, если твою лучшую подругу заела черная тоска.

В противном случае есть риск превратиться из объекта нежной симпатии в объект ревнивой злости – мне уже доводилось терять таким образом подруг.

Итак, самая важная новость моей жизни – я замуж выхожу. Да-да, я, Александра Кашеварова, двадцатисемилетняя классическая «одиночка», великий специалист в области любовных катастроф, у которой имеется огромный опыт неудачных отношений, зато начисто отсутствует материнский инстинкт, – я скоро стану женой! Как ящерица сбрасывает старую шкурку, так и я готова сбросить поднадоевший статус самостоятельной феминистки и надеть белое невестино платье.

Только не падайте. А те, кто все же упал, немедленно встаньте. Потому что я, как всегда, немного преувеличила.

Официально я пока не являюсь невестой. У меня нет ни платья, ни кольца, ни наполеоновских планов на медовый месяц. Просто позавчера любимый мужчина сделал мне предложение! До того самого момента о возможной свадьбе никто из нас не заикался, я была поймана врасплох и потому не смогла даже промямлить невнятное, застенчивое «да» или строгое, решительное «нет». Мой мужчина, как настоящий джентльмен, не обиделся и дал мне время подумать.

Лучше я расскажу обо всем по порядку.

С тридцатипятилетним Эдуардом Маркиным я встречаюсь почти год. Познакомились мы при весьма странных обстоятельствах, но это не помешало нам в скором времени стать не только страстными любовниками, но и ближайшими друзьями¹.

Эдик – тренер в дорогом фитнес-клубе. В его распоряжении нет миллионных счетов в иностранных банках, но на Новый год он подарил мне костюм от «Дольче и Габбана», а это о чем-то говорит.

¹ См. роман М. Царевой «Выйти замуж за миллионера».

И еще он красивый, обаятельный, вежливый, и он почти никогда меня не раздражает. Я его люблю. Кажется. Во всяком случае, все признаки влюбленности налицо – я ску чаю, если он не звонит несколько дней; испытываю смутную ревность, когда он начинает восхищаться внешними данными какой-нибудь Синди Кроуфорд; я не брезгую заталкивать в стиральную машинку его нижнее белье; я даже познакомила его с родителями, чего не делаю вообще никогда.

Обстоятельства, при которых любимый мужчина предложил мне расстаться с независимостью, сложно назвать романтическими. Произошло это в тренажерном зале. Знаете, с одной стороны, хорошо встречаться с профессиональным атлетом. Он всегда в отличной форме, на него облизываются все окружающие девушки, и ты чувствуешь себя капельку социально значимее. Но, с другой стороны, есть в нашем тандеме и явный минус – Эдуард и меня заставляет качать пресс и ворочать гантели! А ведь я с детства ненавижу физические нагрузки, и мой любимый вид спорта – виртуальный бильярд.

А он... он даже разработал для меня специальную программу тренировок (Лера называет это мероприятие так: «Идеальное тело для идеальной девушки идеального тренера»). По понедельникам мы вместе бегаем трусцой в ближайшем парке. Поначалу это даже мне нравилось. Он купил одинаковые яркие ветровки, себе и мне. Это нас еще больше объединяло – наверняка встречные прохожие, глядя на нас, думали, что эта симпатичная пара в одинаковых красных курточках – счастливые молодожены. Вот бы можно было носить ветровки, но без бега!

Кстати, о ветровках – эти симпатичные курточки вдохновили меня написание статьи о моде для влюбленных. Как я уже упоминала, я работаю обозревателем в газете «Новости Москвы». И самой большой проблемой для меня является поиск тем для очередной статьи. Наш главный редактор, Максим Леонидович Степашкин (препротивный тип, доложу вам), не хочет, чтобы я писала тривиальные заметки об актуальных цветах сезона. Нет, ему подавай материалы с изюминкой – мода для собак или для грудничков, платья из консервных банок или пижамные вечеринки. Вот я и предложила ему написать о моде для влюбленных – влюбленные ведь часто одеваются в унисон. Ну, как мы с Эдуардом. Степашкину эта идея очень понравилась, и он даже похвалил меня на еженедельной летучке, что случается крайне редко, потому что, если честно, он меня вообще-то недолгобливает. Проблема в том, что у меня никак руки не доходят сесть наконец за написание этой чертовой статьи. Усердным работником меня уж точно не назовешь.

Но, кажется, я отвлеклась от главной темы.

А именно – от Эдуарда, который заставляет меня ежедневно работать над сохранением физической формы.

По вторникам и средам мы занимаемся моими бедрами и ягодицами – я приседаю с гантелями, хожу в гору по беговой дорожке, а Эдик стоит рядом с секундомером и подбадривает меня «нежными» восклицаниями:

– Шурка! Какая же ты у меня корова!

Честное слово, я на него не обижаюсь. Я знаю, что это он не всерьез.

Четверг, пятница и суббота – мы работаем соответственно над прессом, плечевым поясом и икроножными мышцами. Но самый ужасный день – воскресенье. По воскресеньям я сдаю своему неумолимому мучителю зачеты – бегаю на скорость, приседаю и отжимаюсь до полной потери сил.

Такую жестокую цену мне приходится платить за то, что подружки завистливо восхищаются рельефными мышцами моего мужчины. Когда мы только начали встречаться, я, конечно, пробовала уклониться от ежедневной экзекуции. Я объяснила новому любимому, что и так переутомляюсь на работе, что уже в школе я умудрялась прогуливать уроки физкультуры, что я готова даже научиться варить борщи, лишь бы не ходить на тренировки.

Он ничего не ответил, зато так посмотрел, что я, прикусив язычок, уныло поплелась в спортзал. Лерка сказала тогда, что Эдуард – из породы манипуляторов. Я же считаю, что это просто его милая странность, с которой не так уж и сложно смириться. Он же сквозь пальцы смотрит на мои недостатки: я курю, а он – нет, я не умею готовить, а он гурман, я ношу короткую стрижку, а он любит женщин в стиле Дженнифер Лопес. И после всего этого – ну разве сложно мне всего один часок попотеть на велотренажере?

Один час в день – это всего лишь семь часов в неделю. Двадцать восемь часов в месяц – хм, немало, но и не смертельно. Итак, ради спокойствия любимого мужчины я готова триста шестьдесят пять часов в год проводить в ненавистном спортзале. А это, о боже мой, пятнадцать суток! Ох, наверное, зря я вообще затеяла эти подсчеты. Пятнадцать суток в год – вы только подумайте! Выходит, если я не буду ходить в спортзал, то могу сэкономить время для дополнительного отпуска!

Это произошло позавчера. Я как раз закончила упражнение «жим штанги лежа», когда мой безжалостный наставник, наклонившись ко мне, сказал:

– Шурка, а давай поженимся!

Я разжала пальцы. Если бы он не подхватил штангу, то она брякнулась бы мне на грудь, и я погибла бы в страшных муках. Кажется, спасителям жизни принято отвечать благодарное «да» – во всяком случае, сказочные принцессы поступают так с завидным постоянством. Но я почему-то словно язык проглотила.

– В каком смысле? – наконец осторожно спросила я.

– В прямом, – улыбнулся Эдуард, помогая мне встать, – сколько еще можно тянуть? Я тебя люблю, ты меня тоже. Ты ведь меня любишь, да?

– Люблю, – прохрипела я. Почему-то у меня сел голос – может быть, от внезапного шока, а может быть, просто со штангой перенапряглась.

– Ну вот. Ты смогла бы переехать ко мне. Неразумно снимать за такие деньги квартиру, если у тебя есть я.

Моя уютная квартирка в Сокольниках действительно обходится мне недешево. Я могла бы сэкономить значительную часть зарплаты, если бы в один прекрасный день мне не вздумалось покинуть родительский дом и начать самостоятельную жизнь. Это произошло четыре года назад. Я уверенно сказала маме: «Баста! Я живу на этом свете уже четверть века и отныне прошу считать меня автономной личностью!» Мама была категорически против, но меня нельзя было остановить. Так из комфортабельной четырехкомнатной квартиры в Южном Измайлове я перебралась в Сокольники – в однокомнатную халупку. Обшарпанную, крошечную, зато мою.

– Шурка, ты, наверное, устала, – он растрепал мои волосы, – я не тороплю тебя с ответом. Подумай, сколько нужно, – и, улыбнувшись, добавил: – Только, пожалуйста, не очень долго.

– Хорошо, – согласилась я.

А потом он похлопал меня по спине и, пряча глаза, заявил, что его ожидает дополнительная тренировка, так что отвезти меня домой у него никак не получится. Он явно врал, причем весьма неумело.

Я поняла, что мой мужчина на меня обиделся. И нет бы мне его успокоить – обнять, чмокнуть в нос и сказать, что с первого дня знакомства мечтаю прошвырнуться с ним по ковровой дорожке под марш Мендельсона! Нет, ничего подобного я не сделала. Просто сказала: «Ну пока, созвонимся» – и уехала домой. Одна.

* * *

В ту ночь я долго не могла уснуть. И почему так получается? Большинство женщин мечтают сочетаться брачными узами, в России еще существует иерархия, согласно которой замужняя женщина является более социально успешной, чем ее незамужняя ровесница. А таких, как я, великовозрастных взбалмошных девиц, которые не стремятся свить гнездо, вообще принято жалеть.

Так почему у меня язык не повернулся ответить «да»? Неужели это значит, что я вовсе не люблю Эдика? Может быть, где-то в глубине души я все еще надеюсь встретить кого-то получше, а Эдуарда как бы держу про запас... Или к тридцати годам (хотя тридцать мне стукнет только через три года) я еще недостаточно повзрослела?

Я позвонила Лике, одной из своих замужних подруг. Лика младше меня на два года, но у нее уже двое детей.

– Ликусь, у меня к тебе странный вопрос...

– Валяй, – подбодрила она меня. – Ой, подожди минутку... Сейчас же отойди от конфет, а то в угол поставлю! – зычно прокричала она куда-то в сторону. – Так что там у тебя?

– Лик, сколько лет ты уже замужем?

– Пять. А что?

– Ты помнишь тот день, когда тебе сделали предложение?

– Конечно, – я не видела ее лица, но готова была поклясться, что Лика улыбается, – в самолете.

Я полезла в кармашек сиденья за пакетиком для блевания, но вместо этого обнаружила коробочку с кольцом. Сережка подложил.

– Как романтично, – вырвалось у меня, – и как же ты отреагировала?

Я так надеялась, что она скажет что-нибудь вроде того: о, сначала я была просто ошарашена и тупо молчала, потом долго-долго думала, потому что сомневалась, настоящая ли это любовь, но все-таки теперь мы вместе, и я счастлива.

Но вместо этой обнадеживающей сентенции Лика выдала:

– Я сразу же согласилась! Естественно, ведь я была влюблена.

– Ясно, – вздохнула я, – это все, что я хотела узнать.

– Да? – удивилась она. – Странная ты все-таки. Но хорошо, что ты позвонила. Я сама как раз хотела тебя набрать. Приходи в следующую субботу к нам на крестины.

– На крестины?

– Ну да! Ты что, не знала, что детей принято крестить? Моему младшему уже семь месяцев, пора.

– Ну хорошо... – я немного растерялась, – хорошо, приду.

Следующие несколько дней я провела как в тумане. Я понимала, что надо бы позвонить Эдуарду, но не решалась подойти к телефону, потому что не знала, что ему сказать. Слава богу, что он позвонил сам – позвонил, чтобы сообщить, что уезжает в командировку на четыре дня. Честно говоря, я вздохнула с облегчением. Во-первых, за четыре дня я обязательно что-нибудь придумаю.

А во-вторых, мне не придется ходить в спортзал.

ГЛАВА 2

– Ненавижу! – жужжал в телефонной трубке голос Лерки.

– Кого на этот раз? – насмешливо поинтересовалась я.

– Вообще всех. Кроме тебя, Кашеварова. Ненавижу мужчин, за то, что они меня бросают. Женщин за то, что шестьдесят процентов из них привлекательнее меня. Детей за то, что все вокруг твердят, что мне пора родить. Работу за то, что ее надо делать. И нашу общую подругу Лику.

– А ее-то за что? – удивилась я.

Я хорошо отношусь к Лике, но красавицей ее не считаю. Мы с Леркой ненавидим только безусловных красавиц.

– Она пригласила меня на крестины!

– Меня тоже. Ну и что?

– Ну и то! – Лера была так взвинчена, что я бы не удивилась, если бы сквозь телефонную трубку прошел электрический разряд и меня убило бы током. – Неужели ты не понимаешь, что это значит?! Лика пригласит всех своих подружек-клуш, и они будут смотреть на нас с жалостью! Эти дуры, эти насадки будут нас с тобой жалеть!

– Ну и что? – в очередной раз повторила я. – Они всегда нас жалеют. А мы жалеем их.

– Но мне это надоело! – возопила эта ненормальная. – Между прочим, в следующую субботу у меня день рождения!

– Точно, – ахнула я, – как быстро время-то летит.

– Вот именно. Мне исполняется тридцать лет. И я не хочу, чтобы в такой день группка самовлюбленных мамаш читала мне лекцию об уходящих годах. В свой день рождения я хочу веселиться по полной программе, а не смущаться под снисходительным взглядом нашей Лики... Которая считает себя успешнее нас только потому, что целых два раза не воспользовалась презервативом.

– Ну зачем ты так? – рассмеялась я. – Лика обожает своих детей.

– Зато я их ненавижу, – процедила Лера. – У меня депрессия. Кризис среднего возраста.

– Вижу. Предлагаю не ходить на крестины. Лучше закажем столик в «Галерее» и как следует напьемся.

– У меня есть идея получше. У тебя когда отпуск?

– Не знаю... Я еще не думала. – Ну не могла же я сказать, что, возможно, отпуск понадобится мне для свадебного путешествия. Мне так хотелось обсудить с Леркой предложение Эдуарда, но опять момент был неподходящим.

– Короче, я уже забронировала нам с тобой билеты. Мы летим на Кипр. В четверг.

– Что?!

– Только не говори, что бросаешь меня, – в голосе Леры мне почудились угрожающие нотки, – я хочу отметить этот день рождения действительно необычно! Представляешь – целую неделю не надо ходить на работу. Буду загорать, хорошеть, танцевать в диско-барах и спать с красивыми киприотами. Ты можешь заняться тем же самым.

– Лера, но я вовсе не планировала...

– Ну хорошо, с киприотами буду спать я. А ты просто отдохнешь на море.

– Но я...

– Кашеварова, ты мне друг или не друг?

– Друг, – уныло согласилась я.

– Ура-а! Я знала, знала, что ты меня поддержишь! – ликовала Лера. – Значит, так, у нас меньше недели. Не забудь купить крем от загара и новый купальник!

Я не стала с ней спорить. На следующий день мы все равно должны были увидаться на работе. Я вызову Лерку в курилку, расскажу ей о предложении Эдика, и ей придется отказаться от кипрской затеи либо поехать с кем-нибудь еще. Конечно, она обидится, но ненадолго. Моя Лерка – она как порох, быстро вспыхивает, но в ту же секунду перегорает и успокаивается.

* * *

Но на следующий день моя точка зрения несколько изменилась.

Это был один из тех неудачных дней, когда с самого утра все идет наперекосяк. Неприятности начались с того, что в моем будильнике села батарейка, и вместо звонкого писка он издал лишь натушный хрип – словно запойный алкоголик, прочищающий горло надрывным кашлем. Я это слышала сквозь сладкий утренний сон. В итоге я открыла глаза в десять утра – akurat в это время я, по идее, должна была появиться на рабочем месте. Я подскочила на кровати как ошпаренная и принялась носиться по квартире, собираясь в ускоренном темпе. Я давно заметила – когда спешишь, все валится из рук. Кофе убежал, порвались колготки, сломался карандаш для бровей. Включила утюг, чтобы погладить любимую сиреневую блузку, но в последний момент заметила оторванную пуговицу. Потом долго не могла вспомнить, куда дела ключи от квартиры. Когда уже подходила к трамвайной остановке, меня вдруг осенило – да я же не выключила утюг! Пришлось возвращаться. Трамвай я ждала двадцать пять минут.

В итоге я появилась в офисе с эффектным опозданием в два с половиной часа. Я надеялась прошмыгнуть на рабочее место незамеченной, но не тут-то было – первым, кого я встретила в редакционных коридорах, был мой шеф, главный редактор газеты «Новости Москвы» Максим Леонидович Степашкин.

Наш Степашкин – странный человек. Холостяк, который больше похож не на главного редактора солидного издания, а на провинциального библиотекаря. Он довольно высок, немного сутулится, его волосы всегда растрепаны, словно он только что совершил затяжной парашютный прыжок, он носит немодные очки и полосатые рубашки.

Почему-то Степашкин меня недолюбливает (впрочем, это взаимно). По-моему, он просто придирается. Ну да, я довольно часто опаздываю – ну и что, я ведь не отвечаю за запуск космических кораблей, моя работа не требует королевской точности. Да, я ленюсь читать все приходящие мне факсы и часто выбрасываю нужные приглашения на показы мод. Подумаешь – вообще-то приличные люди приглашают журналистов по телефону. Еще я прогуливаю редакционные собрания – но всем ведь известно, что на таких «сходках» всегда говорят об одном и том же.

В остальном же я отличный работник. У меня хороший легкий стиль и меткий юмор, моя рубрика пользуется определенным успехом у постоянных читателей. Во всяком случае, мне приходит очень много писем. Правда, львиная их доля носит негативный характер – мол, вместо огромной статьи о купальниках лучше бы написали о личной жизни Анжелики Варум. Но подобные послания я быстренько уничтожаю, и главный редактор не может ничего о них знать.

– Александра, – приветствовал он меня, а на его тонких губах блуждала неприятная змеиная улыбочка.

– Здравствуйте, – я улыбнулась как можно более искренне. – Вот, раннее утро, а я вся в работе. Я брала интервью у Елены Супрун.

Степашкин посмотрел на часы.

– Действительно, утро раннее, – выражение его лица не предвещало ничего хорошего, – всего лишь полдень. Между прочим, десять минут назад вы должны были сдать статью о пижамах.

– Статья будет на вашем столе через пятнадцать минут! – клятвенно заверила я.

– Можете не спешить, Александра. Это уже неактуально. Я снял статью из номера.

Я прикусила губу. Вот черт! Такого со мной давно не случалось. Если твою статью сняли из номера – это позор. Это значит, что твой поступок будет обсуждаться на ближайшей редколлегии. А еще это значит, что премии тебе не выдать. А я-то, наивная оптимистка, уже запланировала купить на премиальные новую пудру «Диор».

– Простите меня, – почти прошептала я, – больше такого не повторится.

– Сомневаюсь, – процедил Степашкин. – Кстати, только что звонили от Елены Супрун. Так что никакого интервью у вас еще не было.

Я готова была провалиться сквозь землю – вернее, сквозь старенький паркетный пол.

– Вот что я вам скажу, – продолжил психическую атаку мой начальник, – думаю, что я совершил большую ошибку, когда предложил вам должность редактора. Может быть, вам надоело у нас работать?

– Нет! – воскликнула я. – Просто... просто...

– Просто что? – с наигранным дружелюбием поинтересовался он.

Я не знала, что ответить.

– Ладно, идите в свой кабинет, – наконец разрешил Степашкин, – и подумайте, Александра, стоит ли игра свеч. Может быть, вам поискать работу в ежемесячном издании? С еженедельным ритмом вы явно не справляетесь.

Запершись в собственном кабинете (с тех пор как я стала редактором, мне выделили отдельную комнату, правда, совсем крошечную, в ней едва умещается письменный стол), я дала волю слезам.

Я редко плачу, но тут вот не выдержала, сорвалась.

Я беззвучно рыдала, уронив лицо на клавиатуру.

Я чувствовала себя несправедливо обиженной. Каждый из нас время от времени опаздывает на работу, так почему же все шишки достаются исключительно мне?! Ненавижу Степашкина. По-моему, он просто изошренный садист.

Мои мрачные размышления прервал телефонный звонок. Первым позывом было снять трубку и гаркнуть: «Да пошли вы все к такой-то матери!» Но, сделав над собой усилие, я ограничилась нейтральным: «Алло».

– Привет, это я.

Голос принадлежал Эдуарду. Час от часу не легче.

– Приве-е-ет! – с преувеличенным энтузиазмом воскликнула я. – Как твоя командировка?

– Я в Москве, – ответил он.

– Но разве ты не должен был...

– Я тебя обманул, – перебил он. – Пойми, Шурка, я был расстроен и озадачен. Ты так странно отреагировала на мое предложение.

– Прости меня, я...

– Я все понимаю. Это было неожиданно.

– Да... Но ты же сам сказал, что я могу подумать. Я тебя люблю, но...

– Но что? – вздохнув, спросил Эдик.

Горячие слезы катились по моим щекам.

Несколько минут назад я обозвала садистом Степашкина, а теперь получается, что я и сама не лучше.

– Дело не в тебе... И не в наших отношениях, – я собралась с духом, – но для меня это так необычно... Мне никто никогда не предлагал выйти замуж. Мне нужно время. Эдичка, милый, это не отказ. Честное слово.

– Да? И сколько же времени тебе нужно?... Шур, если честно, я тебя не понимаю. Стараюсь понять, но не понимаю.

– Совсем немного времени... Хотя бы неделю, хорошо?

– А что изменится за неделю?... Эй, ты там плачешь, что ли?

– Плачу, но не из-за тебя, – призналась я, – на работе довели.

– Бедная ты моя. Хочешь, заеду за тобой, пообедаем вместе?

– Не могу, я только что пришла... А что касается времени... Я хочу все спокойно обдумать, чтобы быть уверенной на все сто процентов... Я хочу точно знать, что не совершаю ошибку.

– Ну хорошо, – его голос звучал немного растерянно. Это было невыносимо. – Значит, через неделю мы встретимся и поговорим?

Решение пришло в мою голову неожиданно.

– Знаешь что, я в ближайший четверг на неделю уеду из Москвы.

– Куда? – опешил он.

– По делам, – туманно объяснила я. Мне не хотелось рассказывать ему о Кипре, – потом мы встретимся и обо всем поговорим. Ладно?

– А что, я разве могу отказаться? – хмыкнул он. – Хорошо, значит, через четверг.

– Да... Ты точно не обиделся?

– Гуляй уж, Шурик, – усмехнулся измученный мною мужчина, – а я... Я буду тебя ждать.

Странно, но после разговора с Эдиком мне стало гораздо легче. Во всяком случае, теперь я точно знала, что мне делать. Сначала я по внутреннему телефону позвонила Степашкину и ошарашила его известием о том, что ухожу в отпуск. Он презрительно хмыкнул, но отказать мне не посмел. Еще бы он мне отказал – я не уезжала из Москвы уже два года! А потом... потом я позвонила Лерке.

– Ну что, едем? – весело спросила она. – Я уже купила тур. Лимассол, отель «Времена года», пять звезд, у самого моря.

– Едем! – весело подтвердила я.

* * *

Покупая новый купальник, я всегда размышляю о будущем курортном романе. Вообще-то настоящего курортного романа в моей жизни никогда не было – только легкий пляжный флирт. Да и в этот раз мне будет не до горячих южных мачо – я еду на Кипр не за новыми впечатлениями, а за одиночеством, которое, даст бог, поможет мне ответить на самый главный вопрос.

Мы с Лерой бродили по универмагу «Калинка-Стокман». Купальники выбирали. Честно говоря, у меня полный шкаф этих купальников, почти новых, даже не успевших выгореть на солнце. Но каждый раз, когда я отправляюсь на курорт, меня так и тянет приобрести еще один.

– Хочу быть роковой женщиной! – воскликнула Лерка, схватив с полки леопардовый бикини с массивными золотыми пряжками. – Хотя на одну недельку, но настоящей фамм-фаталь.

Я с сомнением взглянула на выбранный ею миниатюрный пляжный костюм.

– Скорее, ты будешь похожа на подружку рэппера. В каждом «черном» видеоклипе есть вульгарная блондинка в леопардовом.

– М-да? – Лера зашвырнула купальник обратно на полку. – Тогда хочу быть девочкой-припевочкой.

Она приложила к себе розовый лифчик с вышитыми ярко-красными клубничками.

– Мне идет?

– Безумно.

– Нет, хочу быть классической стервой! – возопила она, схватив черный закрытый купальник.

– Хочу быть пайнкой! – она выбрала закрытый пляжный костюмчик в стиле шестидесятых годов.

– Хочу быть продвинутой и стильной, – возразила она самой себе, приметив купальник в стиле «милитари».

– Хочу быть развратницей!

– Хочу быть монашкой!

– Хочу быть Мэрилин Монро!

Через полчаса пребывания в этом театре одного актера у меня раскалывалась голова.

– Лер, ты уж определись, чего ты на самом деле хочешь.

– Хочу... Хочу... Ах, Кашеварова, на самом деле я просто хочу мужчину, – вздохнула Лера, сгребая в охапку все вышеописанные купальники.

– О, как ты запела, – поддела я ее, – еще вчера ты их всех ненавидела.

– А я и сейчас ненавижу, – невозмутимо заметила новоявленная обладательница десятка разномастных купальных костюмов. – Ненавижу, но... Но хочу. Если честно, я очень рассчитываю на курортный роман.

Курортный роман. Я криво усмехнулась.

Курортная любовь – это обман по собственному желанию. Ты словно добровольно становишься персонажем насквозь предсказуемого фильма. Реплики главных героев заранее расписаны. Все, что тебе нужно, – это расслабиться и плыть по течению. Но самое главное и сложное: усвоить единственное правило игры. Курортный роман заканчивается, как только ты садишься в самолет. Пытаться продлить южные отношения и перенести их в заснеженную Москву – мероприятие бессмысленное, накладное и даже довольно болезненное.

Однажды моя близкая подруга Жанна влюбилась в турка по имени Ибрагим (она называла его ласково – Ибо). Ибо был необычайно хорош собой – смуглое крепконогое дитя природы с блестящими глазами-оливками и буйной растительностью на загорелой груди. Жанна познакомилась с ним во время отпуска в Анталии. По ее словам, это была любовь с первого взгляда, причем взаимная. Они увидели друг друга, и оба сразу поняли, что это и есть судьба. То были лучшие дни в жизни Жанны – они занимались любовью на пляже, и в море, и в ее гостиничном номере, и в его раздолбанном автомобиле, и даже в общественном туалете на заправочной станции – об этом сексуальном приключении ей очень нравится рассказывать шокированным подружкам.

Неминуемая разлука еще больше обострила их страсть. Вернувшись в Москву, Жанка приуныла. Окружающая реальность казалась никчемной и серой, ей хотелось одного – послать всех к черту и вернуться к гостеприимным турецким берегам. Что она спустя какое-то время и сделала. Ибо ждал ее, он встретил ее в аэропорту и тут же признался в любви. Он познакомил ее со своими родителями и даже подарил ей обручальное кольцо. Вернувшись в Москву, счастливая невеста принялась готовиться к свадьбе. Она записалась на курсы турецкого и сделала татуировку на животе – имя любимого готическим шрифтом. Увидев это безобразие (я имею в виду аккуратно выведенное слово «Ибо» на ее плоском животе), я воскликнула: «Да ты с ума сошла! А что, если вы расстанетесь?!» На что Жанна, глаза которой горели фанатичным огнем, ответила: «Никогда! Он – тот, кого я искала все эти годы!»

И татуированная Жанна отправилась в Анталию в третий раз. Причем на этот раз ее ждало жестокое разочарование. Видимо, активная русская невеста надоела турецкому красавчику. А может быть, его смутила татуировка. Он вдруг заявил Жанне, что ничего такого он не имел в виду, на замужество вовсе не намекал, кольцо подарил просто так, в знак дружеской симпатии, и вообще – у него давно есть жена, даже две (думаю, про вторую он ввернул для красного словца).

Что здесь началось! Жанна, будучи натурой, склонной к показательным истерикам, затеяла демонстративное самоубийство. На глазах у неверного Ибо она приобрела в аптеке упаковку снотворного и хирургический скальпель. Целый день она изображала из себя воплощение скорби – она даже наведлась к турецкому нотариусу и составила завещание на ломаном английском. Но Ибо остался равнодушен – он просто не поверил в то, что Жанка и в самом деле решила расстаться с жизнью.

И правильно сделал – потому что она и не собиралась. Поняв, что затея с самоубийством провалилась, Жанна поменяла билет и вернулась в Москву. Через какое-то время она забыла о турецком обидчике. «А как же теперь быть с татуировкой?» – не могла не поинтересоваться я. «Легко!» – весело подмигнула Жанна, задрав майку. Я посмотрела на ее живот и расхохоталась – аккуратно над пупком готическим шрифтом было выведено: «... Ибо все мужики – козлы!..» Так вот имя экс-любимого трансформировалось в философский лозунг.

По степени абсурдности с этим может сравниться только история, которую я однажды услышала от знакомой. Одна девушка совершила отчаянный поступок – вытатуировала имя любимого – «Слава» – на левой ягодице. Вы и сами можете догадаться, что произошло потом. Они расстались. Вскоре у смелой девушки появился новый обоже по имени Петя. Все было замечательно, только девушка боялась оказаться с ним в постели – татуировку вывести не так-то просто. В итоге она подошла к проблеме творчески. Вместо того чтобы изводить старую татуировку, она сделала новую – соответственно на правой ягодице. И теперь ее зад украшала новая надпись, гласившая: «Слава Пете!» Честное слово, так и было, я не преувеличиваю.

* * *

В самолете я наконец рассказала Лерке о наболевшем. Она как раз разглагольствовала на тему «На день рождения можешь подарить мне вибратор, потому что мужчины меня больше не интересуют», когда я бесцеремонно прервала ее пылкий монолог убийственной фразой:

– Лер, меня Эдик замуж зовет.

Она умолкла на полуслове и непонимающе уставилась на меня.

– Что?!

– Что слышала. Пять дней назад он сделал мне официальное предложение. Я сказала, что подумаю. И теперь не знаю, что делать. Через неделю он ждет ответ.

Лера посмотрела в иллюминатор, на сахарные верхушки облаков, потом перевела взгляд на меня. Вид у нее был, мягко говоря, ошарашенный.

– По-моему, нам стоит попросить у бортпроводника шампанское, – наконец выдала она.

– И это все, что ты можешь сказать?!

– Если честно, я просто в шоке... Но почему ты мне раньше не сказала? – немного обиженно спросила Лера.

– Мне очень хотелось! – воскликнула я. – Но как я могла рассказать о таком, если всю неделю ты причитала, как ненавидишь мир.

Лера вдруг замерла.

– Бог мой, а ведь теперь мне и тебя придется ненавидеть, Кашеварова! Какой кошмар!

– Меня-то за что? – опешила я.

– За то же, за что и всех остальных. Ты выйдешь замуж и начнешь читать мне мораль. О том, что я неустроенная в свои тридцать лет. О том, что я старая дева. А потом родишь ребенка, и вообще...

– Эй, полегче на поворотах! – рассмеялась я. – Какого ребенка? Я еще не решила, что ему ответить.

– Постой, а разве ты в него не влюблена?

Что-то в изменившемся выражении ее лица показалось мне подозрительным. То ли изумленный взгляд, то ли улыбка, медленно сошедшая на нет.

Неужели даже моя лучшая подружка, еще более легкомысленная, чем я, непозволительная ветреница, немного инфантильная, – неужели даже она меня осуждает?

– Влюблена, – сказала я, но, помолчав, куда менее уверенно добавила: – Кажется.

Лера вопросительно приподняла аккуратно подведенные коричневым карандашиком брови.

И вот тогда меня, что называется, прорвало.

– Я была уверена, что люблю его, пока все шло по накатанной. Мне было с ним очень хорошо, и я даже не задумывалась, любовь ли это... Потому что зачем задумываться, если тебе и так хорошо? Но потом ему захотелось перемен, и он сделал это проклятое предложение. И я поняла, что не могу решить, люблю ли его по-настоящему... А если я сомневаюсь, значит, это ненастоящее, да? А может быть, я просто боюсь замужества. Лер, мне почти тридцать лет. Я привыкла жить одна. Я люблю быть свободной... Но с другой стороны...

– Именно поэтому ты и согласилась полететь со мной на Кипр, – констатировала Лера. – Вообще, я была уверена, что ты откажешься.

– Ничего себе! – возмутилась я. – Да ты мне не оставила выбора!.. Надеюсь, что, если побуду недельку одна, без Эдика, смогу во всем разобраться.

Нас прервал мелодичный голос стюардессы:

– Через десять минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Ларнаки. Температура за бортом – тридцать два градуса выше нуля. Просьба оставаться на своих местах до полной остановки лайнера.

Лера улыбнулась и выгнула спину, как только что проснувшаяся кошка.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Кашеварова. То, что ты мне рассказала, – высший пилотаж. Теперь он к тебе намертво привяжется.

– Почему? – От изумления я даже забыла о том, что надо пристегнуть ремни.

– Вот увидишь. Если дать мужику понять, что не так-то он тебе и нужен, то мужик этот станет как шелковый. У меня вот никогда не хватает духу. А ты молодец. Хвалю.

– Но я это сделала вовсе не для этого... Мне и правда надо было остаться одной. Подумать. И проверить. Буду ли я без него скучать.

– Скучать? – Лера искоса посмотрела на рослого блондина, сидящего через проход. – Ну, это вряд ли.

Я открыла было рот, чтобы объяснить ей, что она все поняла неправильно, что все гораздо серьезнее, чем она себе представляет, что я на перепутье. Но потом подумала – а надо ли? У Лерки, как она сама выражается, кризис среднего возраста. Она потратила кучу денег, чтобы расслабиться на южных берегах. Ей хочется дефилировать по пляжу в новом купальнике, танцевать до упаду в прибрежных диско-клубах и окунуться с головой в опасный опыт мимолетной курортной страсти. А здесь я со своим нытьем. Нет уж, свою проблему мне придется решить самостоятельно. Все, что для этого нужно, – остановиться и задуматься... Чем я и собираюсь заняться на кипрских берегах.

Надеюсь, взбалмошная лучшая подруга не будет меня очень сильно отвлекать.

* * *

– Я влюбилась! – зловещим шепотом объявила Лерка минут через десять после того, как мы появились на пляже.

– Да ну? И в кого же?

– Посмотри направо. Только не сразу. Он сидит на камне, брюнет в красных плавках.

Я покосилась в указанную Лерой сторону. Давно заметила эту пикантную особенность женского зрения – мы способны производить детальный осмотр окрестностей, не поворачивая головы, особенно если в энном радиусе находятся достойные внимания мужчины.

У самого моря, на потрескавшемся от иссушающей жары камне, восседал один из ярких представителей местной касты Аполлонов. Высок, плечист, темноволос и явно очень доволен собой. На нем не было ничего, кроме загара и миниатюрных ярко-красных плавок, скорее привлекающих внимание к интимным частям его тела, нежели скрывающих их от посторонних глаз. В приморских южных городках такие персонажи попадают на каждом шагу – ровный загар цвета соевого шоколада, безупречная, словно у породистого коня, мускулатура, мужественное, может быть, чуть грубоватое лицо и сальная сахарная улыбка.

– Ну что, правда хорош? – Лерка толкнула меня локтем в бок.

– Ну не знаю. Не в моем вкусе, – я пожала плечами.

На мой привередливый взгляд, ее избранник был ужасен.

– Не будь занудой, Кашеварова! Ой, как бы мне с ним познакомиться?!

– Может, не надо? – спросила я, заранее зная, что моя подруга уже от своего не отступится.

В этом вся Лерка. Она всегда западает именно на таких мужчин – пресыщенных вниманием красавчиков. У нее вкус сороки-воровки, хватающей без разбору все, что блестит.

– Вдруг это моя судьба? – размечталась Лера, торопливо причесываясь. – Эх, надо было губы накрасить.

– Тогда я, как гадалка, могу предсказать твою судьбу, – усмехнулась я. – Он с удовольствием с тобой познакомится, сегодня же вечером признается тебе в любви, вы переспите, а на следующий день ты будешь долго удивляться, почему у тебя никак не получается до него дозвониться. Тогда я предположу, что он оставил тебе неправильный номер. И тебе ничего не останется, кроме как со мною согласиться. И мы с тобой пойдем в ближайший бар заливать твое горе текилой.

Я выдержала паузу, во время которой Лера смотрела на меня поверх темных очков от «Версаче» и угрюмо молчала.

– Лер, а может быть, мы пропустим середину и сразу перейдем к финалу ваших отношений? Ну его, этого аполлончика недоделанного, пойдем сразу в бар.

– Ну ты даешь, Кашеварова, – обиделась Лерка. – Ты никогда не пробовала принимать таблетки от пессимизма?

– Ты имеешь в виду «экстази»? – невесело пошутила я. – Было дело пару раз, в студенческие годы.

А если серьезно, мой пессимизм помогает мне адаптироваться к действительности. Быть пессимистом очень выгодно – никогда не разочаруешься.

– Уверена, этот меня не разочарует... Ты только посмотри, какая у него подтянутая задница, – причмокнула Лерка.

Терпеть не могу эти ее замашки сошедшего на берег матроса. И потом, Лера вроде бы разговаривала со мной, но мысли ее витали далеко, и она не спускала глаз с красноштанного пляжного короля.

И вскоре была вознаграждена – брюнет перехватил ее жадный взгляд и одарил ее вялой, но благосклонной улыбкой, что привело мою сексуально озабоченную подружку в пороссячий восторг. Лера с удовольствием втянулась в эту древнюю, как мир, игру – фехтование взглядами. Отвести глаза, потом резко посмотреть на объект... Стыдливо потупить и снова вскинуть глаза. В этом деле Лера мастер спорта международного класса – глазки она умеет строить филигранно.

– Все. Больше не могу, – наконец решила она, – подойду и спрошу, где здесь можно взять напрокат джип-внедорожник.

У меня отвисла челюсть.

– У нас же с тобой прав нет.

– Я просто хочу завязать разговор, глупая. По-моему, спросить о джипе-внедорожнике – это гораздо круче, чем спросить, где здесь ближайший круглосуточный супермаркет.

– Тебе виднее. – Я перевернулась на спину. Мне вовсе не хотелось видеть, как лучшая подруга завязывает знакомство с очередным моральным уродом.

– А насчет твоего пессимизма, – Лера поднялась с нашего общего полотенца, лениво потянулась и стряхнула с боков прилипшие сероватые песчинки. – Если бы не твой хваленый пессимизм, ты бы так не мучилась по поводу Эдика. Хороший мужик предложил тебе, Кашеварова, сходить в загс. А ты вместо того, чтобы изучать каталог свадебных тортов, сидишь здесь и пытаешься корчить из себя старую деву.

Невозмутимо улыбнувшись, нахалка ушла покорять мистера «Красные Трусики».

А я... Я не знала, что на это и ответить. Можно подумать, это не она уговорила меня отправиться в дальние края. Хотя, покупая билет, Лерка не знала о том, что из обыкновенной девушки я вдруг превратилась в без пяти минут невесту.

А что, если она права? Может быть, я отношусь к возможному браку с излишней серьезностью?

Подумаешь, свадьба – делов-то! Если семейная жизнь придется не по вкусу, всегда можно развестись. Вот если бы мне вдруг предложили сделать бесплатную липосакцию или сняться для разворота «Пентхауса» – тут бы было над чем задуматься. Но женитьба в наше время вовсе не является достойным поводом для тягостных размышлений. У меня, например, есть подруга, которая к своим тридцати пяти годам успела сходить под венец четырежды! Четырежды! У нее есть дисконтная карточка одного из дорогих свадебных салонов Москвы, дающая право на двадцатипроцентную скидку – она ведь постоянный клиент (какой изощренный цинизм – давать скидку «вечным невестам»)! Для нее произнести решающее «да» так же естественно, как почистить утром зубы. А я все маюсь.

И все-таки...

Помню, как в нежном девичьем возрасте я мечтала, что если уж когда-нибудь и выйду замуж, то непременно по большой любви. Конечно, в те годы я еще совершенно не ориентировалась в жизненных реалиях. В школе нам рассказали о том, что такое косинус и интеграл, нас научили точно рассчитывать ускорение падающего тела, но почему-то забыли предупредить о том, что большинство мужчин – бесчувственные обманщики. Но я четко помню, как я мечтала о будущей свадьбе. О том, что у меня будет длинное, слегка отливающее перламутром розовое платье. О том, как я брошу в толпу незамужних подружек нарядный букетик. До сих пор, когда я об этом думаю, у меня замирает сердце. И я понимаю, что не могу – просто не могу, и все – выйти замуж за первого встречного, за кого попало. Если я немного легкомысленна, то только не в matrimониальном вопросе. Либо любимый, либо никто.

Люблю ли я Эдика?

А черт меня разберет. Иногда мне кажется, что, если он меня покинет, я умру от разрыва сердца.

Но в глубине души я понимаю, что это просто романтический пафос. Сколько раз меня бросали мужчины – и ничего, до сих пор жива.

– А вот это моя лучшая подруга Саша, – раздался над моим ухом знакомый голос, бодро коверкающий английские глаголы. – Она немного злая, но я все равно ее люблю!

Я обернулась. Так и есть. Сияющая, точно новенькая пятирублевая монетка, Лера приволокла к нашему полотенцу свой охотничий трофей – пляжного Аполлона в красных трусах. Похоже, их отношения развивались стремительно – еще пять минут назад он не знал ее имени, а теперь его крупная ладонь уверенно покоилась на спине Леры... то есть немного пониже спины... и на талии... – короче, эта нахальная рука беззастенчиво путешествовала по эрогенным зонам моей подруги. А сама она смотрела на нового знакомого, как кот на свежую рыночную сметану. Ее глаза горели – честно говоря, давно я не видела Лерку в таком возбужденном состоянии. Обычно она реагирует на мужчин куда спокойнее.

– Приятно познакомиться, – буркнула я.

– Меня зовут Паникос, – представился мерзкий тип, и его потная ручонка потянулась ко мне.

Но я сделала вид, что не замечаю приветливо протянутой ладони.

– Паникос – владелец рыбного ресторана, – Лера сказала это с такой гордостью, словно рассказывала об успехах, как минимум, собственного сына.

Киприот важно кивал головой, ему явно нравилось восторженное почтение белокурой русской красавицы.

– У меня аллергия на рыбу, – без улыбки ответила я.

– Не будь мыррой, – вполголоса сказала Лера по-русски и тут же заулыбалась смуглому ресторатору. – Паникос обещал показать нам весь остров. Он пригласил нас в Пафос, в лагуну, где Афродита родилась из пены морской.

– Если искупаться в этом места, стать молодой, так сказать легенда, – вставил Паникос свое веское слово. Английский у него был отвратительный (впрочем, как и он сам).

– Но самая главная новость – мой день рождения мы будем отмечать в ресторане Паникоса! – От счастья Лера даже захлопала в ладоши. – Он решил сделать мне такой подарок.

– Для аллергий на рыб готовить мясо, – важно сказал Паникос. – Лично я готовить баран. Для Саша.

– Разве вы повар? – насмешливо спросила я. – А мне слышалось, что ресторан принадлежит вам.

Лера выпучила глаза, сия гримаса должна была призвать меня к дисциплине. Мне стало ее жалко.

В конце концов, она-то ни в чем не виновата. И если ей нравится общаться с этим Паникосом или как там его, то это ее личное дело. В свой день рождения она может поступать так, как сочтет нужным. Такая дата – тридцать лет. Кто знает, чего захочется мне в тридцать (я разменяю четвертый десяток через три года) – может быть, мне вообще вздумается стать лесбиянкой или соблазнить темнокожего баскетболиста.

– Я хозяин ресторан, – Паникос яростно размахивал руками, – моя ресторан. Но я отлично готовить. Готовить баран для Саша... Да, и я привести для Саша свой друг.

– Чудесно! – воскликнула Лера. – Посидим вчетвером, весело будет!

– Постойте, что значит, «привести друг»? – насторожилась я. – С пунктом «приготовить баран» я, пожалуй, согласна. Но мне вполне хватит того барана, что будет лежать на моей тарелке. Совершенно необязательно сажать еще одного барана за наш стол.

– Что Саша сказать? – заморгал длинными ресницами Паникос.

– Саша сказала, что она очень рада! – гаркнула Лера, посылая в мою сторону убийственный взгляд.

Я угрюмо промолчала. В ту самую минуту мне вдруг стало ясно, что на спокойном, вдумчивом отдыхе можно поставить жирный крест.

ГЛАВА 3

Брить или не брить – вот в чем вопрос.

– Ты никогда не замечала жуткой закономерности?

Голова Лерки, обмотанная полотенцем на манер восточного тюрбана, высунулась из приоткрытой двери ванной комнаты. Мы с ней решили не раскошелиться на одноместные люксы и по студенческой привычке поселиться вместе. Хорошо, что номера в пятизвездочном отеле «Времена года» были просторными.

– Стоит тебе побрить перед свиданием ноги, как все, секс срывается. Что-то происходит – ему надо срочно куда-то уезжать, или у тебя начинаются месячные, или ты вообще понимаешь, что этот мужик тебя больше не возбуждает.

Лера рассуждала о законе подлости и одновременно втирала в обгоревшие на солнце щеки какую-то дурно пахнущую сероватую субстанцию. Кажется, это была успокаивающая маска, жутко дорогая.

– Зато, если под твоими брюками притаились волосатые лапы, вот это будет верняк! Подходящая для суперсекса ситуация. Но тебе придется отказаться, соврать, что голова болит. А на самом деле все дело в твоих небритых ногах. Поэтому я всегда перед свиданием думаю – брить или не брить? – Она вновь скрылась в ванной.

Я сидела на кровати и бездумно тарасилась в телеэкран. Показывали «Бойцовский клуб» – естественно, на греческом языке. Брэд Питт кричал: «Паракало!

Паракало!» Или что-то вроде этого. В любом случае смотрелось это странно.

Честно говоря, я из последних сил держала себя в руках. Все эти дни мои нервы были натянуты как гитарные струны. Мы с Леркой ездили на экскурсию в горный монастырь, и обедались морскими деликатесами, и даже пробовали петь караоке в одном из местных баров. Невесело на Кипре в конце апреля. Одним словом – не сезон. Пляжи были пустынными, большинство симпатичных ресторанчиков еще не открылись. Я купалась в неожиданном одиночестве, как в успокаивающей ванной, зато Лерке отчаянно не хватало общения и веселья. Она, как могла, пыталась меня расшевелить. Она заставляла меня носить ее кошмарную розовую мини-юбку, она с упорством, достойным лучшего применения, подливала в мой стакан терпкого вина «Херитаже» – ей хотелось, чтобы я вместе с нею напилась до состояния шального, необузданного веселья.

«Мы поставим весь Кипр на уши!» – время от времени боевито вскрикивала она. Но прошло уже три дня с тех пор, как мы прилетели на родину Афродиты, а для постановки острова на органы слуха еще не было предпринято ничего. Надежды на сегодняшний вечер Лера возлагала колоссальные. Мы должны были отметить день ее рождения в рыбном ресторанчике Паникоса, имя которого она произносила с периодичностью раз в минуту.

Честно говоря, я бы куда с большим удовольствием осталась в номере. Накупила бы в супермаркете шоколадных кексов и расслаблялась бы в свое удовольствие перед телевизором. Мое настроение было на нуле, из головы никак не шел укоризненный взгляд Эдика и его неуверенное прощание. Самое страшное, я до сих пор так и не решила волнующую дилемму – готова ли я стать невестой или хочу по-прежнему пребывать в состоянии свободного полета? Три дня я напряженно думала о наших с Эдуардом отношениях, но так и не смогла решить, люблю я его, черт побери, или не люблю?!

Конечно, я не могла обидеть Леру и не появиться на ее празднике. Хотя, откровенно говоря, мое присутствие будет лишь формальностью – ведь именинница всерьез увлечена пляжным королем Паникосом и явно нацелилась на секс – в противном случае, чего бы ей торчать в ванной целых полтора часа, приводя в порядок и без того холеное тело?

– Знаешь, как я поступаю в таких случаях? – прокричала Лера из ванной.

О чем это она?... Ах да, мы же обсуждаем животрепещущую тему – удаление волос на нижних конечностях. Правда, наше обсуждение выражается в том, что Лера трещит без умолку, а я лишь изредка вставляю «угу» или неопределенно мычу «мммм...».

– Я беру бритву с собой! Прячу ее в сумочку. Если понимаю, что секс все-таки состоится, то ухожу в туалет и там быстренько обрабатываю ноги. Я уже так наловчилась. Правда, зимой неудобно. Воевать с колготками в общественном туалете – это высший пилотаж. Ты не находишь, Кашеварова?

– Одноразовая бритва – вот талисман девушек нашего поколения, – уныло провозгласила я, – наши мамы тайно носили в портмоне фотографии любимых. А мы прячем в потайном отделении сумочки бритвенный станок. Так, на всякий случай. Чтобы не лишиться себя возможности расслабиться, если что.

Лера вновь выплянула из ванной – только для того, чтобы бросить в мою сторону подозрительный взгляд.

– Что-то не нравится мне твое настроение. Надеюсь, в твои планы не входит срыв вечеринки?

– Не волнуйся, Лерчик, – я заставила себя улыбнуться, – не обращай на меня внимания. Это твой вечер. Извини, я не в духе.

Я виновато улыбнулась. Я прекрасно понимала, что веду себя как стерва, но ничего поделать не могла.

Лерку и так нервирует сам факт ее тридцатилетия. Ей так нужна дружеская поддержка – а тут я со своей кислой миной.

– Что ты, я все понимаю... Хочешь, дам свое серебряное платье?

– У меня нет настроения наряжаться.

На мне были белые джинсы и обычная футболка с изображением Фредди Крюгера на груди. Это было решающее доказательство в пользу моей депрессии – в хорошем настроении я бы ни за что такое не надела. Я вообще не помню, как эта вещь оказалась в моем шкафу. На Кипр я взяла ее специально – футболка напоминала, что приехала я сюда не развлекаться и романы крутить. Сами посудите – ну кому захочется приставать к девушке, с груди которой зловеще улыбается кинематографический монстр с перекошенным от кровотока шрамов лицом?

– Ты что, собираешься пойти в ресторан в этом?! – двумя наманикюренными пальчиками Лера подцепила край моей футболки и тут же брезгливо отдернула руку.

– А что? Насколько я понимаю, мы не в «Максим» идем. Нормальный наряд для дружеской вечеринки, – возразила я.

– Скорее, это наряд, чтобы мужиков отпугивать! Ты в курсе, что я собираюсь надеть красное вечернее платье? То, с голой спиной.

– А это не слишком?

Лерино платье больше напоминало наряд исполнительницы стриптиза на шесте. Откровенно говоря, это и не платье было, а так – хитросплетение миниатюрных лоскутков, этакий художественно порванный наряд балетной Жизели.

– Пока у меня ноги красивые, надо пользоваться, – решительно заявила Лера, – к сожалению, красота проходит. Мне уже тридцать!

Я не могла не улыбнуться. Лера панически боялась этой цифры – тридцать – и пыталась доказать всему миру и самой себе, что разменять четвертый десяток можно и в красном мини-платье. Причем выглядеть при этом потрясающе.

– На контрасте со мной ты будешь смотреться глупо в своей жуткой майке, – ныла Лерка, – и потом, там же будет друг Паникоса, его приведут специально для тебя. Что он подумает?

Я знала, какими словами ее утешить.

– Зато ты на контрасте со мной будешь ослепительна. А на друга Паникоса мне наплевать.

– Да? – повела бровью Лера, придирчиво рассматривая в зеркало свои бедра. – Слушай, а может, сказать Паникосу, что мне исполняется только двадцать девять?

– Может быть, тебе лучше побыстрее собраться? – внесла я более рациональное предложение. – Ты в курсе, что они нас уже пятнадцать минут ждут?

– Да мне собраться – только подпоясаться!

Лерка изрекла этот знаменитый афоризм, после чего скрылась в ванной еще на сорок минут.

* * *

Мы появились в рыбном ресторанчике с неприятным названием «Октопус» с эффектным опозданием в пятьдесят пять минут. Лера выглядела как кинозвезда, как королева, она гордо несла свое выхоленное тело, едва прикрытое вызывающим красным платьем, и весело помахивала крошечной вечерней сумочкой, которую я торжественно вручила ей утром в качестве подарка к тридцатилетию.

Мне же ничего не оставалось, кроме как плестись позади. Наверное, в тот вечер мы напоминали классическую цирковую пантомиму – «черный и белый клоуны». Моя лучшая подруга была бодра и игрива, как трехмесячный щенок лабрадора. В какой-то момент я поймала наше отражение в зеркальной витрине, и крошечный червячок сомнения нежно ужалил мое вздремнувшее было самолюбие. Я подумала – а может быть, не стоило идти в ресторан в мятой пижамной футболке? Но я решительно приказала взбунтовавшемуся самолюбию замолчать. Ради кого я должна наряжаться? Вообще-то если я и ношу красивую одежду, то только для самой себя. Так почему я должна изменить правилам на этот раз – уж не из-за того ли, что приторно-слащавый Паникос обещал привести своего друга? Уверена, что друг этот мало чем отличается от самого Паникоса – не в меру загорелый, с буйной растительностью на груди; весь вечер он будет на ломаном английском восхищаться красотой моих глаз, в то время как его потная ладонь под столом будет подбираться все ближе к моей коленке.

Но ничего у него не выйдет! Уж я-то знаю, как обращаться с такими типами!

– Саша, у тебя такой свирепый вид! – хихикнула Лерка. – Что случилось, зубы болят?

– Сама знаешь, что случилось. Не хочу встречаться ни с какими его друзьями! Это уже слишком. Перебор. Ты что, забыла, зачем я сюда приехала?

– А ты что, забыла, что у меня сегодня день рождения? – похлопав ресницами, половина из которых были накладными, передразнила меня Лерка. – И потом, тебя же никто не заставляет закрутить с ним роман. Повеселишься, выпьешь, поешь вкусно. А вдруг он симпатичный?

– Сомневаюсь, – хмыкнула я, – скорее всего, он такой же, как этот твой пляжный мальчик...

Мне пришлось замолчать, потому что мы как раз подошли к ресторану. А что, вполне миленькое заведение. Небольшой зал с потухшим камином и деревянными столиками и уютная веранда, выходящая на море. Для нас был забронирован столик на веранде – уже только за это Паникосу можно было сказать спасибо. Потрясающий вид, открывшийся с ресторанной веранды, немного примирил меня с действительностью. Что ж, буду молчать, пить вино и смотреть, как красная солнечная дорожка на морских волнах незаметно превращается в серебряную лунную.

– Лера! Саша! – Распахнув благоухающие туалетной водой «Ямамото» объятия, на нас надвигался Паникос. – Мы так рад вас видеть! Вы опоздать! Мы проголодаться. Лера – боже-ственно красив.

Паникос расцеловал мою подругу в обе щеки (щеки, кстати, у нее были подозрительно красными). Потом он перевел взгляд на меня и, странно булькнув, умолк. Наверное, у него язык не повернулся сказать, что я тоже «божественно красив». Я без особенного энтузиазма пожала его руку (опять потная ладонь! Неужели Лерка не обращает на такие мелочи внимания?!).

Ну и ладно, ну и обойдемся без ваших переслащенных комплиментов. Я и без вас прекрасно знаю, что выгляжу сегодня не ахти.

Зато Паникос расстарался так, словно ему предстояло побывать на королевской аудиенции. На нем были черные брюки, узкие, как балетное трико (что же это за манера такая – выпячивать на всеобщее обозрение части тела, которые их гордый обладатель явно считает лучшими? Или у них так принято?!), и белая шелковая рубаша с вырезом практически до талии. Он являл собою что-то среднее между исполнителем танца фламенко и стриптизером из дорогого клуба. Лера была в полном восторге. Она хозяйским жестом взяла его под руку.

– Идем со мной! Я знакомить Саша с моя друг! – радостно объявил Паникос.

Улыбаясь, я послушно последовала за ними.

Я предвкушала, какое разочарование ожидает друга Паникоса. Наверняка ему было обещано, что придут две русские красавицы – ведь Паникос видел меня всего однажды, и я была в купальнике (и не просто в купальнике, а в купальнике «Селин»!). А теперь вот выяснится, что одна из красавиц представляет собою мымру в жуткой футболке. Почему-то эти мазохистские мысли доставляли мне смутное удовольствие.

– Моя друг. Майкл Рикман. Саша. Саша – тоже моя друг, – церемонно объявил Паникос.

Я вскинула глаза – передо мной стоял загорелый блондин с пронзительно-голубыми глазами.

У него были светлые длинные ресницы – это придавало его лицу некую трогательную детскость. Почему-то я не ожидала, что друг Паникоса может оказаться европейцем. На этом Майкле Рикмане были простые выцветшие джинсы и просторная белая футболка. Он не был похож ни на пляжного Аполлона, ни на ветреного южного искателя приключений. Ладно уж, не буду юлить вокруг да около, скажу вам напрямую – этот Майкл Рикман был роскошным мужиком. Как раз в моем вкусе. И если бы не Эдуард, который ждал меня в далекой Москве...

Опомнись, Кашеварова! О чем ты думаешь? Ты приехала на Кипр, чтобы обдумать предложение Эдика. В первый раз в жизни тебе, дубине стоеросовой, предложили руку и сердце. И вместо того, чтобы вдумчиво взвесить все «за» и «против», ты пялишься на первого встречного мужика.

– Саша. – Моя улыбка была холодноватой, светской.

Так и положено улыбаться невестам.

Он вежливо пожал мою руку. Ладони у него, кстати, были сухими. Но это я так, к слову.

– Саша? – переспросил он, сделав ударение на последний слог. – Красивое имя.

В отличие от Паникоса Майкл Рикман говорил на английском бегло, у него было безупречное оксфордское произношение. И это неудивительно, потому что, скорее всего, он...

– Майкл, вы ведь британец? – спросила я.

– Да, – немного удивленно подтвердил он, – но временно работаю здесь, в Лимассоле. В банке. У моих родителей здесь дом... А у вас каникулы?

– Что-то вроде того.

– Что же мы стоять? – Паникос сверкнул двумя рядами белоснежных крупных зубов. В тусклом вечернем свете он казался темнокожим. – Пройти за стол. Наша форель. Для Саша – баран!

Мы уселись за стол. Причем Лерка плюхнулась на колени к Паникосу. С ума сойти, а ведь она даже еще ничего не выпила. Поллитровая бутылка «Херитаже», уничтоженная нами

в номере, не в счет. Что же будет, когда моя подруга окажется в плену шального алкогольного куража, – неужели они займутся любовью прямо среди тарелок? А мы будем лакомиться мясом и светски делать вид, что ничего особенного не происходит...

Проворный официант поставил перед нами тарелки, от содержимого которых я старалась не отрывать взгляда. Почему-то мне было стыдно смотреть на Майкла Рикмана, сидевшего напротив меня. Он казался таким милым, приятным человеком, а я... Мой вид мог кому угодно испортить настроение. Футболка с Фредди Крюгером – еще полбеды. Я даже не удосужилась промыть волосы от морской соли. У меня короткая стрижка, которая обычно выглядит стильно, но в тот вечер жесткие от соли волосы встали дыбом, и я вполне могла сойти за члена мультипликационного семейства Симпсонов. В центре стола стояло огромное блюдо, накрытое мельхиоровой куполообразной крышкой. В блюде я увидела собственное отражение – да-а-а-а, если бы меня пригласили сниматься в фильме ужасов, киностудия могла бы здорово сэкономить на гримере.

– Саша, ты чем-то расстроена? – Ладонь Майкла Рикмана (сухая!) накрыла мою руку.

– Нет, с чего ты взял? Я довольна и счастлива, – бодро улыбнувшись, я отправила в рот кусочек баранины.

К сожалению, мясо оказалось чересчур горячим. В других обстоятельствах я бы выплюнула его в салфетку. Но вы только представьте себе встрепанную даму в безразмерной футболке, обгоревший нос которой полыхает, точно китайский праздничный фонарь;

мало того, что эта особа уродлива, так она еще и не умеет вести себя за столом!

Из сострадания к ближнему – то есть Майклу Рикману – я, выпучив глаза, прожевала обжигающее мясо.

– Все в порядке? – заволновался он.

– Д-да... Извини меня. Вообще-то я не собиралась сегодня никуда идти. Но у моей подруги день рождения, и я не могла...

– Понимаю. Хотя рискну предположить, что подруге было бы хорошо и без тебя. – Майкл Рикман покосился на Лерку, которая самозабвенно облизывала мочку уха Паникоса, будто бы это и не ухо вовсе было, а изысканный морской деликатес.

Я отвела глаза. Вот в этом вся Лерка. Наверное, ей надо было родиться мужиком. Потому что для представительницы слабого пола она чересчур активна. Я сто раз ей говорила: попридержи, мол, лошадей, подожди, пока твой новый кавалер сам проявит инициативу. Но Лера утверждает, что современные мужчины на это просто не способны.

– Паникос, сагапо, сагапо, – пьяно нашептывала она.

Я только диву давалась – она уже успела выучить что-то по-гречески!

– Сагапо – значит «я тебя люблю», – объяснил Майкл Рикман.

– Я такого слова не знаю, – мрачно отозвалась я.

– Несчастливая любовь? – с легкой улыбкой предположил он.

– Да нет, вполне счастливая, – со вздохом ответила я, – только, похоже, достигшая естественного конца. Знаешь, у некоторых любовь трагически погибает в самом расцвете сил. Моя же мирно скончалась в постели, как столетняя старушка.

– Да ты романтик, – он восхитился моей аналогией.

– Если бы.

– Положить тебе креветок? Знаешь, какие здесь креветки вкусные!

– Давай, – согласилась я, – гулять так гулять... Извини, что я порчу тебе настроение.

Ты вообще не виноват.

– С чего ты это взяла? – Он казался удивленным. – Я рад с тобой познакомиться.

– Да ладно тебе, – усмехнулась я, отправляя рот креветку, и правда восхитительно вкусную, – если ты захочешь уйти, я не буду против. Я и сама здесь ненадолго. Боюсь, долго мне не выдержать в этом эротическом театре, – я кивнула на Паникоса, который беззастен-

чиво целовал Леркину шею. Кажется, моя безголовая подруга завтра проснется в характерных синяках и долго будет кокетливо причитать перед зеркалом, замазывая их тональным кремом.

А я буду тихо ее ненавидеть – и не потому, что меня никто не целовал ночью в шею. А потому, что я, в отличие от нее, не могу относиться к окружающей действительности с такой ненаигранной легкомысленностью.

– Я не понимаю, ты хочешь, чтобы я ушел? – Окончательно растерялся мой новый знакомый.

– Да нет, я просто имела в виду... Короче, оставайся, – благосклонно улыбнулась я.

– Тебе грустно, – сказал вдруг Майкл Рикман («Надо же, какой догадливый малый», – саркастически подумала я). – Если хочешь, можем об этом поговорить. Или как-нибудь потом... Когда захочешь.

«Что значит „как-нибудь“, – с некоторым раздражением подумала я, – разве мы видимся не в первый и последний раз?»

– А пойдете все танцевать! – пьяным голосом воскликнула Лерка.

Я взглянула на нее – вот у кого жизнь удалась! Помада размазалась по всему лицу, на губах – блудливая улыбочка, лямки вечернего платья небрежно упали с загорелых плеч.

– Танцуют все! – по-русски крикнула она.

А потом еще и свистнула – громко, как Соловей-разбойник.

По дороге на танцплощадку моя лучшая подруга опрокинула два стула. Паникос радостно погарцевал за ней. Причем его пятерня словно намертво приклеилась к Леркиной правой ягодице. Мы с Майклом Рикманом переглянулись.

– А ты совсем не похожа на свою подругу, Саша, – сказал он и отсалютовал мне бокалом. – За тебя.

Я мрачно кивнула и опустошила свой бокал.

Терпеть не могу мужские дешевые приемчики. «Ты совсем другая, я вижу, что ты девушка скромная и приличная, ты самая лучшая, пойдём ко мне в гости, послушаем джаз!» Да я таких типов, как этот Майкл Рикман, знаю как облупленных. Он точно такой же, как и его кипрский дружок Паникос. Просто они работают в разном амплуа – так сказать, на контрасте. Сейчас его рука невзначай окажется на спинке моего стула, а потом переползет ко мне на плечи. Потом он спросит что-нибудь вроде – тебе, мол, не холодно? – и это будет поводом придвинуть свой стул вплотную к моему. И вообще – кто он такой, чтобы судить мою лучшую подругу? Еще сказал бы, что приличная девушка не имеет права выпиться и разгромить прибрежный бар в день своего тридцатилетия!

Но Майкл Рикман оставался на месте. Он не пытался ни одарить меня сальным комплиментом, ни под каким-нибудь якобы невинным предлогом проникнуть в мое личное пространство. Это подкупало.

Он, как мог, пытался меня развлечь и отвлечь от мрачных размышлений. Рассказывал что-то о Кипре, где он жил уже второй год. На самом деле Майкл Рикман был англичанином и мечтал поскорее вернуться в свой родной Лондон. В конце концов я оттаяла и принялась рассказывать байки из московской журналистской жизни. Например, порадовала его историей, как мне однажды пришлось делать репортаж о празднике пижам. В Москве одно время были весьма популярны так называемые пижамные вечеринки. Гости должны были приехать в оговоренное место – ночной клуб или ресторан – в пижамах или нижнем белье. И вот, вооружившись диктофоном и надев плюшевую розовую пижаму и смешные меховые тапочки, я явилась в один из самых модных ночных клубов Москвы. Странно, что охранники и не подумали остановить меня на входе. Потому что в итоге выяснилось, что я, как это часто со мной бывает, все перепутала и вместо вторника явилась на пижамную вечеринку в четверг. Что ж, бывает. Кстати, больше я в тот клуб принципиально не хожу.

– Саша, тебе нужно обязательно попасть на скачки в Аспен, – воскликнул Майкл, – где собираются тысячедолларовые шляпки. Никто не смотрит на женщин, все только разглядывают шляпки. Ты бы потратила тысячу долларов на шляпку?

– Легко! – как говорится, пьяному и море по колено. – Вообще, я много денег просаживаю в магазинах. Я уговариваю себя, что это нужно мне для работы. Ведь я же модный обозреватель.

– А ты никогда не работала моделью? Ты красивая и довольно высокая.

Знаете, с каждой минутой этот Майкл Рикман нравился мне все больше и больше. Да, мой рост почти доходит до ста восьмидесяти сантиметров. И уродиной вы меня точно не назовете, даже если я вдруг встречу вас ранним похмельным утром. Беда в том, что за последние несколько лет я как-то незаметно набрала пять лишних килограммов, от которых у меня никак не получается избавиться. Вообще-то я особенно и не пытаюсь. Моя борьба с лишним весом заключается в критическом осмотре собственного зеркального отражения и принятии твердого решения сесть на строжайшую диету со следующего понедельника. Уверена, вы знаете, как это обычно бывает.

Но если этот милый молодой человек считает, что из меня получилась бы Синди Кроуфорд, – что ж, я не такая дура, чтобы с ним спорить.

– Вообще-то да, – светски улыбнулась я, – меня часто приглашают поработать на подиуме. А Том Форд однажды сказал, что я могла бы стать его музой. Но ему не повезло, потому что меня интересует только журналистика.

– Сам Том Форд! – По всему видно, эта информация произвела на него неизгладимое впечатление.

Я расправила плечи. Не беда, что Тома Форда я видела только на фотографии в журнале «Вог». Подумаешь, немножко приукрасила. Зато у меня есть знакомый модельер, который и правда однажды сказал: «Ты, Кашеварова, могла бы стать недурственной вешалкой. Если бы жрала поменьше!» Так что не очень сильно я и преувеличила. И как бы то ни было – все равно я больше никогда не увижу этого Майкла Рикмана.

– Вообще-то я его немного знаю, – сказал Майкл, – хочешь, можем позвонить ему и передать от тебя привет? Тебя это развеселит?

– Кого знаешь? – опешила я.

– Тома Форда, – невозмутимо доложил Рикман, – он шил свадебное платье для моей старшей сестры.

Наверное, вид у меня в тот момент был предуррацкий.

– Сам Том Форд? – ахнула я, забыв о том, что минуту назад и сама кичилась знакомством с известным кутюрье. – Кто же твоя сестра?

– Она... занимается благотворительностью, – снисходительно объяснил Майкл, – женщины в нашей семье не работают, так уж повелось издревле.

Я так и застыла с не донесенной до рта вилок. На вилке алела гигантская королевская креветка. Ничего себе семейка! Женщины, видите ли, не работают, а платья им притом шьет сам Том Форд! Мне вот платья до двадцати лет шила моя мама. А когда мне исполнилось двадцать, родители сказали: «Пора бы тебе, Сашуля, слезать с нашей шеи. Мы зарабатываем не так уж и много, чтобы еще содержать великовозрастную дочь!»

Майкл Рикман достал из кармана стильный серебряный телефончик и принялся с сосредоточенным видом нажимать на кнопки.

– Вот! Нашел! – наконец радостно объявил он. – Телефон Тома Форда. Ну что, звоним?

– Не надо, – перепугалась я.

– Но почему? Он будет рад.

– Сомневаюсь, – я почувствовала, как к щекам приливает румянец, – боюсь, он даже, наоборот, расстроится. Честно говоря, бедняжка Том был просто не в себе, когда я отказалась поработать у него манекенщицей.

– Да? – удивился Майкл. – Ну ладно, как скажешь...

Он убрал телефон обратно в карман. Я понуро доела баранину – кстати, в умении готовить Паникосу не откажешь, – впрочем, должен же он хоть что-то делать хорошо. Вот, например, танцует он ужасно – и как только Лера может это терпеть? Это не танец, а гибрид стрип-тиза и тайского массажа!

Интересно, а этот Майкл Рикман так же отвратительно смотрится на танцплощадке? Не то чтобы мне всерьез хотелось потанцевать, не до веселья мне было. Беда в том, что с каждой минутой (а точнее, с каждым глотком местного сладкого вина) этот синеглазый британец нравился мне все больше и больше. В какой-то момент я поняла – если я останусь здесь еще на полчаса, то это может закончиться не очень хорошо. Близость моря, сладость вина, звуки поцелуев, раздающиеся с танцплощадки. Эта атмосфера отнюдь не способствует хранению супружеской верности. А мои нервы и так на пределе.

Пора уходить.

– Загрустила? – улыбнулся Майкл.

– Нет. Но если честно, я бы уже пошла домой, – честно призналась я. – Я так устала. Жаль, Лерка еще не скоро нагуляется.

– Хочешь, провожу тебя до отеля? – встрепенулся он.

– Не уверена, – нахмурилась я, – наверное, я должна дождаться Лерку.

– Ты это серьезно? – Уголки его губ поползли вверх.

Я посмотрела в тот угол, где под переливистые напевы Шакиры сплелись два разгоряченных тела. Кажется, Паникос и Лера всерьез считали, что это они так танцуют. Но у меня возникло желание поставить возле них табличку с надписью: «Детям до шестнадцати смотреть воспрещается».

– Да, ты прав. Думаю, Лера и сама разберется.

– Идем. – Он набросил на мои плечи свой пропахший ментоловым табаком свитер. И так уютно мне вдруг стало, так тепло – как будто бы это не свитер нежно обнимал мои плечи, а руки влюбленного мужчины.

Нехороший признак.

Судя по всему, без пяти минут невеста, которая еще даже не успела нацепить на безымянный пальчик красноречивое кольцо, уже вполне готова к первой супружеской измене.

* * *

Мы шли босиком вдоль моря, по влажной полоске песка. Время от времени наши ступни атаковала ленивая прибойная волна. «Какая же я все-таки сволочь», – думала я. Мне хотелось, отчаянно хотелось, чтобы Майкл Рикман меня поцеловал. Ну или хотя бы предпринял попытку это сделать. Может быть, тогда я бы собралась с силами и ответила бы ему решительным отказом. Может быть, я бы даже решилась на возмущенную пощечину (мне никогда не приходилось награждать мужчину звонкой оплеухой; думаю, что каждая женщина в глубине души об этом мечтает, и я не исключение). Естественно, я бы объяснила ему, что в Москве меня ждет жених, что я запуталась и мне так хочется спокойной жизни. Но перед этим... перед этим я бы на одну-единственную секундочку, на мимолетный миг позволила бы себе окунуться в сладость первого поцелуя.

Но Майкл Рикман не предпринимал никаких попыток моего совращения. Мне даже немного обидно стало.

– Саша, у тебя есть бойфренд? – спросил он, глядя куда-то вверх, вероятно, на слегка подтаявшую с одного бока луну. – Что это за история с умершей любовью? Если не хочешь, можешь не рассказывать.

«Вот оно, начинается», – восторжествовала я.

– Вообще-то есть, – я глубоко вздохнула, – но у нас все сложно... А у тебя? Ты с кем-то встречаешься?

– Нет, – после паузы ответил он, – полгода назад расстался с одной девушкой... И с тех пор ничего серьезного. Мне вообще очень сложно влюбиться.

– Правда? – почему-то обрадовалась я. – Мне тоже... Слушай, Майкл, а как ты понимаешь, что влюблен? Как тебе удается отличить то самое, настоящее? Любимую девушку от просто девушки?

Он улыбнулся.

– Саша, это невозможно объяснить.

– Так я и знала, – разочарованно вздохнула я.

– У тебя проблемы? С твоим бойфрендом, да? – догадался он. – Не можешь понять, любишь ты его или нет?

– Тебе бы психологом работать. Он меня замуж зовет... Блин, не знаю, зачем я тебе об этом рассказываю.

– Ну почему же, мне интересно, – теперь он внимательно изучал мой профиль.

Мне даже неловко стало – собственный профиль мне решительно не нравится. Нос длинноват, да и вообще... Лучше всего я смотрюсь в ракурсе три четверти. Я завертела головой, пытаюсь принять наиболее выгодное положение. Наверное, я все-таки была немного пьяна.

– Замуж, – нараспев повторил он. – Саша, но это же так просто. Что ты чувствуешь, когда его видишь?

Я посмотрела под ноги, на влажный темный песок, и попыталась представить себе лицо Эдуарда. Вообще-то, когда я его впервые увидела, у меня, что называется, в зобу дышанье сперло. Уж очень он хорош собой, мой потенциальный жених. Правда, потом я к его яркой внешности привыкла. И даже начала замечать некоторые недостатки – маленькие раздражители, еле слышные сигналы тревоги, которые свидетельствуют о том, что страсть постепенно проходит. Мне не нравится его стрижка – вернее, ее катастрофическое отсутствие. Мне не нравится, что у него бледная кожа. Никогда ему не быть таким загорелым, как Майкл Рикман, – мой Эдик на солнце покрывается саднящими красными пятнами.

– Что я чувствую... Понимаешь, мы давно вместе... Кажется, я к нему просто привыкла.

– Давно? И насколько давно?

– Ну, почти год.

– Год? – усмехнулся Майкл Рикман. – Я со своей девушкой шесть лет встречался. Так и не смог к ней привыкнуть.

– А почему вы расстались? Если не секрет?

– Она переехала в Нью-Йорк. Ей там работу предложили. Мы в последнее время много ссорились... – Он остановился. – Саша, давай постоим здесь немного.

– Все еще любишь ее? – спросила я.

Майкл Рикман смотрел на море. Было так темно, что я не видела его лица. Но почему-то мне казалось, что он улыбается.

– Нет, что ты! В последнее время наши отношения нельзя было назвать идеальными. Все как-то само собой сошло на нет. А сейчас... Мы даже не перезваниваемся.

– И тебе не жалко?

– Девушку? – усмехнулся он. – Жалко, она потеряла замечательного жениха.

– Нет, потраченного времени.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что шесть лет твоей жизни ушло на женщину, которая сейчас стала тебе совсем чужой и даже не звонит на Рождество!

– Какая ты смешная, – неожиданно он протянул руку и погладил меня по щеке.

Я прикрыла глаза, предвкушая поцелуй. Черт возьми, уж один поцелуй я могу себе (вернее, ему) позволить.

Но поцелуя не последовало.

– Почему я должен жалеть время, если это время было замечательным? – сказал Майкл Рикман. – Я этого не понимаю.

– Может быть, у женщин просто другая психология. Мы жалеем время, потому что каждый впустую потраченный месяц уносит кусочек нашей молодости.

– Какие глупости! – Он потрепал меня по плечу. – Мне кажется, такая женщина, как ты, Саша, всегда будет молодой.

Наверное, это был самый милый комплимент, который я получала за последний год. Честно говоря, мой Эдуард не очень силен в искусстве комплимента. Максимум, на что он способен, это, похотливо прищурившись, заявить, что у меня, например, «потрясающая грудь» или «гениальная попа». И не то чтобы я была против таких откровенных высказываний. Просто, согласитесь, любой девушке иногда приятно оказаться в объятиях не мужлана, а настоящего романтика.

– Что ты имеешь в виду? – решила я на кокетливое уточнение. – Неужели мою инфантильность?

Он медленно повернулся ко мне. Внимательно посмотрел, как бы прицениваясь. Я молча ждала.

И наконец он изрек:

– Разве может когда-нибудь состариться женщина с такими губами?

Вот так все и произошло. Вернее, ничего особенного не произошло, вы не подумайте. Нет, опять я говорю не то. То, что все же произошло, как раз и было особенным. Несмотря на то что это был всего лишь поцелуй.

Один поцелуй на берегу моря, на песке. После этого поцелуя мы больше не разговаривали. Не знаю – то ли я, испугавшись, дала задний ход, то ли он интеллигентно почувствовал мою неловкость.

Он проводил меня до отеля. Коротко и немногословно попрощались. Перед тем как отправиться в номер, я заглянула на крышу отеля. Мне хотелось еще немного посмотреть на луну. Даже жаль спать такой теплой ночью. Такие ночи созданы отнюдь не для сна.

Но без Майкла Рикмана созерцание луны обрело какой-то совершенно иной смысл. Вы не поверите, но это было... скучно. Так что, вздохнув, я все же отправилась спать. Я надеялась, что завтрашний день рассудит все мои сомнения.

Лерки в номере не было.

* * *

– В детстве я долго не могла определиться, кем хочу стать. Не то балериной, не то физиком-ядерщиком. И только когда я лишилась девственности, до меня вдруг дошло: секс – вот мое призвание! Наверное, я могла бы стать знаменитой проституткой. Если бы это не было так опасно, конечно... И если бы я сама могла выбирать себе клиентов... И если бы... Ох, а вкусно-то как, Кашеварова!

Румяная свежая Лера доедала четвертый по счету многослойный бутерброд. Я изумленно наблюдала за тем, как непримиримый борец с лишними калориями (а также с бонусом

к ним в виде складок на талии и «попиных ушей») с энтузиазмом поглощает белки, жиры и углеводы.

– Неужели этот твой Паникос настолько хорош? – наконец спросила я.

Ответ был написан на Леркином лице – и в особом блеске томно прищуренных глаз, и в чахоточном, ярком румянце, и в медленно расплывающейся загадочной улыбке.

– Не то слово. Я не спала ни одной минутки! Сначала мы делали это в его машине. Кстати, у него кабриолет, серебристый. Но это я так. Потом...

– Уволь меня от подробностей, хорошо? – Я отодвинула тарелку с недоеденной яичницей. Отчего-то меня покинул аппетит.

– Слушай, а можно мне твои яйца доест? – не дождавшись официального разрешения, Лера схватила тарелку и энергично потрясла над ней перочницей. – Когда я влюбляюсь, мне всегда хочется остренького. Кстати, о яйцах...

– Не-е-е-ет!!! – Я зажала ладонями уши.

Я еще понимаю, если бы этот разговор проходил в полутемном баре за бутылочкой сухого винца. Тогда бы я, может быть, и сама потребовала бы от нее пикантных деталей. Но за завтраком я вовсе не желаю выслушивать описание интимнейших подробностей телосложения нового Леркиного любовника.

– Я всего лишь хотела сказать, что Паникос замечательно готовит, – надулась Лера, – на завтрак он сделал мне яичницу с сыром. А ты, Кашеварова, просто зануда. Кстати, что у тебя с этим британчиком?

– Кого ты имеешь в виду? – наивно удивилась я.

– Тони Блэра, твою мать! – расхохоталась Лерка. – И Дэвида Бэкхема. Конечно, твоего нового синеглазого знакомого. Как там его зовут? Майкл...

– Рикман, – подсказала я, – и у меня с ним ничего нет.

– Да ладно, – подмигнула Лерка, – я же прекрасно видела, как ты на него смотрела.

– И как же?

– Как рок-фанат на Мика Джаггера, – хихикнула Лерка, – как обжора на двойной чизбургер с беконом. Как автолюбитель на «ламборджини-дьябло». Вот как ты, Кашеварова, смотрела на этого мужика. Скажешь, нет?

– Скажу. И вообще, как ты могла все это заметить, если весь вечер ты провела с Паникосом в позе сиамских близнецов?

– Ты же знаешь, у меня глаз-алмаз! – подмигнула она. – Так что колись, подруга. Он у тебя ночевал?

– С ума сошла? – возмутилась я. – Вообще-то я без пяти минут жена.

– Я бы сказала, без десяти, – задумчиво нахмурилась Лерка, ловко уворачиваясь от моего удара, – или даже без пятнадцати. И потом, разве ты не знаешь, как бы на твоём месте поступил любой мужчина? Всем известно, что мужики перед свадьбой пускаются во все тяжкие. А чем мы хуже?

– Ох, не завидую я твоему будущему мужу, Лерка.

– Я и сама не завидую. Потому что его просто нет на свете. Замуж-то я не собираюсь... Так вы даже не целовались?

– Нет, – нагло соврала я, – и вообще, вместо того чтобы болтать впустую, пойдём-ка лучше на пляж.

Лера посмотрела на часы и виновато улыбнулась.

– Я бы рада, но не могу... Паникос сейчас за мной заедет.

– Что-о?! Разве вы не провели вместе всю ночь?

– Это так, – застенчиво потупилась Лера, – но вообще-то он меня только переодеться отпустил. Но ты ведь не обижаешься, Кашеварова? По-моему, это любовь.

– Надеюсь, что нет, – пробормотала я, – не хватало еще и правда влюбиться в этого красноштанного обитателя пляжа.

Но Лерка меня даже не слушала. Ее мечтательная улыбка не предвещала ничего хорошего.

* * *

Неожиданно испортилась погода. Густые молочные облака скрыли солнце, волновалось-нервничало море, накрапывал еле ощутимый теплый дождь. Лерке было все нипочем – целыми днями она не вылезала из постели своего нового темпераментного знакомого.

Честно говоря, я рассчитывала на то, что Майкл Рикман предложит мне осмотреть в его компании остров. Но он больше не пытался со мною связаться. Лерка с загадочной улыбкой утверждала, что я Майклу настолько понравилась, что ему, видите ли, больно встречаться со мною снова. Он боится ко мне привыкнуть, а ведь у меня есть жених – так сказала Лерка, честное слово. А ей, мол, передал это Паникос – естественно, по большому секрету. Но я-то знаю, что она просто хотела меня утешить. Слишком уж неравная сложилась у нас расстановка сил – одна подружка нежится с любовником, другая – скучает под дождем.

Но ничего – утешение я нашла в магазинах. Вот где находится очаг женского счастья – среди вешалок с платьями, полок со смешными шляпками и причудливо одетых манекенов. Я давно заметила, что, если у меня плохое настроение, я стараюсь порадовать себя забавными, необычными вещами – такими, которые вряд ли отважусь когда-нибудь надеть. За три одиноких кипрских дня я умудрилась лихо спустить всю зарплату, и что в итоге оказалось в приятно шуршащих новеньких пакетах? А вот что – дурацкая широкополая шляпа с фиолетовым страусиным пером, домашний халат в подсолнухах, ядовито-зеленые чулки (на прилавке они казались милыми, на моих ногах – вульгарными), массажное масло непонятного происхождения, три чехла для мобильного телефона, расшитых ракушками (к слову, у меня и мобильник-то отключили давно), и кожаные мини-шорты, словно украденные из ролика в стиле гей-порно. Зачем я накупила все это барахло? Ладно, чехлы для мобильных можно будет кому-нибудь подарить, домашний халат все равно никто не увидит, да и массажное масло пригодится. Но что мне делать с колготками и шляпой? Участвовать в конкурсе «Псих недели»?

Еще я накупила целую гору милых сувениров – горный рожковый мед для родителей, натуральную морскую губку для редактора рубрики «Здоровый образ жизни» Маргариты Петровны, диск с греческими песнями для маникюрши (не знаю, зачем ей греческие песни, но надо же было как-то соригинальничать!) и засушенного морского ежа – ежа я подарю своему начальнику, Максиму Леонидовичу Степашкину. Уж больно противный у меня начальник, мы с самого первого дня знакомства немного друг друга недолюбливаем.

Лерку мне доводилось видеть лишь изредка.

И не могу сказать, что меня радовало то, как выглядит моя лучшая подруга. То есть нет, выглядела она как раз превосходно. Настоящая красавица – загорелая кожа, блестящие огромные глаза, выгоревшие волосы, свежий румянец. Беда в том, что она выглядела как влюбленная женщина. Хотя я представить не могла, чем этот мерзкий сальный Паникос ее «зацепил» – но, видимо, что-то в нем все-таки было. Что-то, невидимое для моих глаз, но понятное Лерке.

Перед самым отъездом она вдруг сказала:

– Кашеварова, надо серьезно поговорить.

– Что такое? – я даже испугалась.

– О Паникосе.

– Вы расстались? – обрадовалась я. – Наконец-то!.. То есть, я имела в виду... Лерка, беденькая. Пойдем выпьем текилы.

– Дура! – обиделась Лера. – Кто тебе сказал такую чушь? Все как раз наоборот. Он меня замуж зовет.

– Что-о? – закричала я. – Но ты, надеюсь, отказалась?

– Кашеварова...

Лерка нервно закурила. Ох, не нравилось мне выражение ее лица. Решительно не нравилось.

– Кашеварова, я не знаю, что делать...

– Как что? – чуть не задохнулась я. – Улетать скорее в Москву и забыть о нем, как о страшном сне! – перехватив ее укоризненный взгляд, я оговорила: – Ну хорошо, как об эротическом сне. Главное – забыть.

– Мне тридцать лет, – задумчиво сказала Лера, – тридцать. И никогда раньше мне до такой степени не нравился мужик. Тебе этого не понять.

– Мне тоже будет тридцать лет! Через три года!

– Три года назад я была совсем другой, – улыбнулась Лерка, – мне казалось, что все это будет длиться вечно. Попойки, наряды, мальчики. А вот теперь я задумалась. Конкуренция так сильна. Ты видела новую секретаршу нашего Степашкина? Ее зовут Диночка, ей девятнадцать лет. Ноги от ушей, все как положено... А что, если у меня осталось не так много шансов?

– Кто внушил тебе эту идиотскую мысль? Уж не Лика ли с ее ребенком?

– Кстати, когда-то мне надо будет задуматься и о ребенке...

– Лерка, ты меня пугаешь! Еще неделю назад ты пела совсем по-другому, – я приложила ладонь к ее лбу, – у тебя случайно нет температуры?

– Просто неделю назад мне было двадцать девять лет, – упрямо настаивала она, – а теперь тридцать. Да и Паникос говорит, что ему всегда хотелось иметь детей.

– Прекрати говорить об этом Паникосе! – рассердилась я. – Ты же шутишь! Признайся, что шутишь!

– Кашеварова, вообще-то я ответила «да». Я подумала – да ну все к черту! Я же могу все бросить и поселиться здесь, на Кипре. А что, отличная страна, шикарный климат, морской воздух...

– Ага, и скука смертная! – перебила я.

– В любом случае у нас еще ничего не решено наверняка. Я волнуюсь, что это обычный курортный роман.

– Буду на это надеяться, – пробормотала я.

– Ну а ты-то как? – вдруг спросила Лерка. – Ты решила, что ответишь Эдику?

– Вообще-то... Вообще-то нет.

И это было правдой. Неделя пролетела незаметно. Я надеялась, что вдали от дома мне удастся спокойно обо всем подумать. Но нет – на горячем песке, под лучами томного солнца думать ни о чем не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.